

КОКТЕЙЛЬ ДЕКСТЕРА

Фантастический рассказ

Пока Крайн пересекал кабинет, его все-таки пару раз качнуло, он чуть задел плечом косяк, потом створка двери скользнула на свое место, и Декстер с Мэдвигом остались одни.

— Ну, — ледяным тоном поинтересовался Декстер. — Что скажете, майор?

— Что на звездолете всегда можно припрятать ящик-другой виски, и никакой таможенный досмотр его не обнаружит.

Это было настолько очевидно, что Декстер промолчал. Мэдвиг размерено маршировал по кабинету — шесть шагов от двери к окну, шесть от окна к двери. На пятой минуте у Декстера от этого коловращения закружилась голова.

— Да сядьте же вы наконец!

Мэдвиг осторожно опустил в кресло по другую сторону коммодорского стола. Кресло охнуло.

— Если ребята с «Доры» действительно протащили пару ящиков виски, а больше незаметно провезти все-таки трудно, то оно должно когда-нибудь кончиться. И даже скоро: что такое два, ну пусть даже три ящика для нескольких сот человек с четырех баз?..

— А пока, — подхватил Мэдвиг, — лучше всего не соваться в зону космодрома. Через неделю на долю наших парней там уже ничего не останется.

Декстер кивнул.

— А что будем делать с Крайном, майор?

— Ему и так после вашей выволочки три дня не спать...

— Что-то мне не верится, чтобы у сержанта были нервы институтки.

— Я знаю его лучше, коммодор, — отрезал Мэдвиг. Что правда, то правда: своих людей начальник транспорта Форт-Мануса знал.

— Хорошо. Будем считать инцидент исчерпанным. Но если такое повторится... — Декстер одарил Мэдвига многозначительным взглядом. — Вы свободны, майор.

Через пару дней на совещании командиров баз Декстер попробовал выяснить, не случилось ли чего-нибудь подобного у соседей. Однако ни доктор Лундквист, начальник объединенной скандинавской базы, ни полковник Канаяси, ни даже старина Леженаль на его осторожные наводящие вопросы не ответили. Оно и понятно: кто же на Границе захочет признаться в нарушении сухого закона?

Заседание проходило в одном из зданий космодромного комплекса. Космодром был единственным на Альби, а потому громко именовался международным и служил местом проведения всех подобных встреч. Воспользовавшись случаем, Декстер в перерыве заглянул к начальнику таможни и имел с ним собеседование, в ходе которого выяснилось, что начальник таможни претензий коммодора Декстера никак принять не может, поскольку на «Доре» при досмотре контрабандных грузов обнаружено не было. В свою очередь, коммодор Декстер выразил некоторое сомнение в тщательности досмотра, тем более что таможенники — тоже люди, которым, следовательно, тоже хочется выпить. Именно по этой причине, было сказано ему, в старательности таможенников сомневаться не приходится, поскольку обнаруженные контрабандные товары конфискуются в их пользу, против чего никто не возражает во избежание дипломатических осложнений. Признав последнее возражение резонным, Декстер ретировался.

А поскольку вторая часть совещания была посвящена обсуждению проекта дороги, которая соединила бы все четыре базы и необходимость в которой ощущалась уже давно, то Декстер вскоре начисто забыл о своем ЧП.

Обратно он летел вместе с Леженалем и по дороге договорился о долговременной аренде геоскопа, который с «Дорой» им почему-то не прислали и который был у французов. Правда, взамен пришлось отдать передвижную метеостанцию, но их в Форт-Манусе было три.

За геоскопом Декстер послал на следующей неделе. Чэд

Шташек, главный геолог базы, прямо-таки подпрыгивал, усаживаясь в машину рядом с сержантом Грили, мрачноватым крепышом из Доусона, лучшим водителем Форт-Мануса. Благодаря привезенным «Дорой» аэрокарам, сменившим неторопливые гусеничные вездеходы, поездка к французам превратилась в чуть больше чем шестичасовую прогулку. Да и дорога здесь превосходная, спасибо Леженалю и предшественнику Декстера, полковнику Мак-Интайру! В сущности, пока это была единственная настоящая дорога на Альби. Она соединяла американскую базу с французской, самой старой на планете, а эту последнюю — с космодромом. Скандинавы же и японцы соединялись с космодромом и соседями только по воздуху, и ради любого пюстяка им приходилось гонять гравикоптеры, что было, прямо скажем, довольно накладно. А через альбийскую сельву не пробился бы и танк высшей проходимости, если не прокладывать себе дорогу с помощью корабельной противометеоритной пушки или излучателя антипротонов, конечно... У французов Шташеку и Грили предстояло заночевать, чтобы двинуться в обратный путь уже утром: ночная сельва — это ночная сельва, а береженого бог бережет. Следовательно, вернуться они должны были часам к трем следующего дня.

Впрочем, знай Декстер, как это возвращение будет выглядеть, он не только не пустил бы Шташека и Грили в маршрут, но и в качестве превентивной меры посадил бы обоих под домашний арест. Потому что картина, представшая перед ним на следующий день, была красочной и впечатляющей.

Декстер сидел в кабинете и подписывал ворох бумаг, накопившихся за последние три дня, — мерзейшее занятие, которое коммодор всегда старался оттянуть до последнего. Как раз в тот момент, когда он подписывал акт о списании переносного ментоскопа, оставленного доктором Шпринцем на поляне перед биологичкой и проглоченного случайно забредшим шатуном-псевдисом (бедная, вечно голодная тварь: по свойственной ей жадности проглотил ящик объемом в добрый кубический фут и промаявшись животом часа два, она изрыгнула его обратно в Косой Пади, где он и был найден, измятый жвалами и чуть ли не насквозь проеденный желудочным соком), как раз в этот момент раздался мощный вибрирующий вой, в котором Декстер без труда узнал сирену аэрокара. Обрадовавшись поводу, коммодор встал из-за стола и подошел к окну. Открывшееся зрелище мигом заставило его забыть и о полу-переваренном ментоскопе, и обо всех канцелярских делах вообще.

Аэрокар только что показался из ущелья Гримсдейла и теперь несся прямо к воротам Форт-Мануса, завывая сиреной и поблескивая на солнце лопастями пропеллера, остекленевшего в ноющем вращении. Впрочем, прямо — это слишком сильно сказано, потому что на самом деле машина выписывала сложные биения, которые лишь с большой натяжкой можно было бы назвать синусоидальными. Расстояние между машиной и воротами стремительно и неумолимо сокращалось, и Декстер почувствовал, что у него волосы поднимаются дыбом. Но Грили в самом деле был асом: тяжелый аэрокар в последнюю секунду все же вывернул на ту единственную прямую, которая

могла ввести его на территорию Форт-Мануса, натужно взвыл и скользнул между сторожевыми башнями.

Декстер перевел дух и высказался. Если отсеять все трудно-переводимые идиоматические обороты, несшие чисто эмоциональную нагрузку, смысл его тирады сводился к следующему: на этот раз Мэдвигу не удастся выгородить своих людей, и уж Декстер позаботится, чтобы им... Что именно «им», Декстер не договорил. Аэрокар остановился посреди двора, с легким шипением спустил воздушную подушку и осел на бетонные плиты. Дверцы открылись, и из машины в разные стороны кое-как выбрались Сташек и Грили. Глядя на их безмятежно-осоловевшие физиономии, Декстер окончательно убедился, что по крайней мере добрая часть контрабандного спиртного обошла-таки таможду и осела в недрах французской базы. Гостеприимством же и щедростью французы славятся всегда.

Декстер по интеркому вызвал Картрайта.

— Обоих под арест. Когда протрезвеют, пусть представят объяснительные записки. И попросите доктора Блада взять у них кровь на остаточный алкоголь. Выполняйте. — И когда Картрайт уже собирался отключиться, добавил: — И вызовите майора Мэдвига. Немедленно.

Понаторелый в общении с начальством, Мэдвиг сумел найти достаточно основательный предлог явиться только час спустя. К тому времени коммодор уже настолько остыл, что с ним

можно было разговаривать. Вдобавок несколько минут назад Блад доложил ему, что алкоголя или его следов в крови ни у Грили, ни у доктора Сташек не обнаружено.

— Наркотики? — предположил Декстер. — Это, пожалуй, площе спиртного. Этого в Форт-Манусе еще не бывало.

— Во всяком случае, никакого следа известных наркотиков мне обнаружить не удалось, коммодор.

Однако... Декстер знал, что виски можно ввести клистиром, а спирт — внутривенно, так что никакие хеморецепторы не покажут опьянения. Но в крови-то алкоголь будет присутствовать в любом случае! Не святым же духом накачались эти двое, а до них сержант Крайн!

— Вот что, майор, — сказал он Мэдвигу. — Если вы так убеждены в невиновности своих парней, то попытайтесь объяснить мне, что происходит. И если через двадцать четыре часа удовлетворительного объяснения представлено не будет, я приду свои меры. Дабы другим nepовaдно было. Можете идти.

Через час в кабинете начальника транспорта состоялось первое заседание «комиссии Мэдвига», в которую, кроме самого Мэдвига, вошли доктор Сташек, старший врач Форт-Мануса доктор Блад и ксенобиолог доктор Юстас Шпринц. Сержанты Крайн и Грили также были приглашены и допрошены в качестве свидетелей.

— Едем мы, значит, — рассказывал Грили, попыхивая сигаретой. — Дорога, сами знаете, майор, прямая, спокойная, так в сон и клонит. А я еще вечером засиделся здорово — французам с «Дорой» новые фильмы прислали... Даже с Джиной Нирд есть... У сто семьдесят шестого поста остановились, перекусили, кофе выпили, вроде полегче стало. Так до ущелья и доехали. Доктор Сташек почти всю дорогу спал. Верно я говорю, док? — Сташек кивнул. — Вот в ущелье и началось. Первые-то восемь километров все нормально было, до Колена. А как в Колене повернули, так я сразу почти и почувствовал... Не знаю даже, майор, как точнее сказать... Ну, словом, почувствовал, что забалдел. И крепко — как с бутылки неразбавленного, не меньше. Смотрю, и док уже чуть тепленький, хихикает, напевает что-то... Хорошо, после Колена дорога прямая, иначе не знаю уж, чем бы кончилось. А как до базы дошли, хоть стреляйте, майор, не помню, в себя только в ларзете уже пришел, когда кровь у меня брать стали.

Ничего существенного ни Крайн, ни доктор Сташек к этому рассказу добавить не смогли.

Мэдвиг не знал, что и думать. Через ущелье Гримсдейла проходила единственная удобная дорога на Лавовое плато, на краю которого расположился Форт-Манус, а следовательно, через Колено — место, где ущелье изгибалось почти под прямым углом, — приходилось проезжать всем. Грубо говоря, это значило, что хоть раз в неделю кто-нибудь да бывал там.

— Заметьте, майор, — прервал затянувшееся молчание Блад, — все началось после прибытия «Доры». Так что коммодора понять можно: после того — вследствие того.

— «Дора» — контрабандный виски. Логично, — согласно кивнул Сташек. — Грешен, после истории с вами, Крайн, я и

сам так думал... Но если не виски, то что же? Что мы еще получили с «Дорой»?

— Я — кибердиагностический комбайн и ПРП, — откликнулся. Блад.

— Электронный микроскоп... Комплект для биологички... Микротом... — стал перечислять Шпринц.

— Консервы, — добавил Грили.

— Ну, пищевое отравление здесь ни при чем, — отмахнулся Блад.

— А что при чем? — не без ехидства полюбопытствовал Мэдвиг.

— Понятия не имею. Что еще мы получили?

— Запчасти к геотанкам. Микрореакторы. — Мэдвиг на мгновение задумался. — Катапульту для гравикоптеров...

— Аэрокары, — вставил Крайн.

— Не то, не то, — сокрушенно вздохнул Сташек.

— А может быть, и то самое, — возразил Мэдвиг. — Почему знать? Мы же ищем сами не зная что.

— Если отбросить алкогольную версию... — начал Шпринц. Возмущенный Сташек поперхнулся дымом, ксенобиолог же невозмутимо продолжал: — То я могу предположить воздействие на психику со стороны какого-то представителя местной фауны. Правда, ни псевдис, ни рогатый монстр гипнотическими способностями не обладают...

— Почему обязательно гипнотическими? — спросил Блад. — Если здешнее зверье боится нашего акустического барража, оно и само может оказаться способным к звуковым атакам. Что вы на это скажете, коллега?

— Что это крайне маловероятно, коллега Блад. И прежде всего потому, что никакому здешнему зверью не нужно нас спаивать.

— Возможно, пьянеем только мы, а местное зверьедохнет или приходит в шоковое состояние. Скажем, если это гипотетическое существо способно генерировать инфразвук...

— А не может ли его генерировать аэрокар? — перебил врача Сташек.

— Не считайте конструкторов глупее себя, доктор, — возмутился Мэдвиг. — Если такой звук опасен, его, безусловно, быть не может.

— Как и инфразвукоиздающего монстра, — присовокупил доктор Шпринц. — Насколько я представляю здешнюю фауну.

— Однако гипноизлучающего монстра вы представить себе могли, коллега Шпринц?..

— Стоп, — сказал Мэдвиг. Ему все меньше нравился ход совещания. — Боюсь, так мы скоро придем к тому, с чего начали.

— А что вы предлагаете, майор?

— Напиться.

— То есть?..

— То есть отправиться туда, к Колену, и повторить маршрут Крайна и Грили. В порядке, так сказать, следственного эксперимента.

— А что, в этом есть резон, — согласился Сташек.

Через полчаса шестиместный аэрокар выскользнул за ворота Форт-Мануса.

А через восемнадцать часов Мэдвиг сидел в кабинете Декстера.

— Должен признаться, вы были правы, коммодор, — сказал он, невинно уставившись Декстеру в глаза.

— В чем?

— Крайн, как и Грили с доктором Сташеком, напились именно святым духом.

— Тем же, что и вы, майор? — За спокойствием коммодора Мэдвиг ощутил сокрушительную ярость голодного псевдуса.

— Так точно, коммодор. Неповторимое ощущение, почти полная эйфория, как сказал доктор Блад.

Декстер поднялся из-за стола. В голосе Мэдвига звучала такая убежденность в полной безнаказанности, что коммодора невольно подмывало эту уверенность обмануть. Однако он сдержался.

— Так в чем все-таки дело, майор?

— В аэрокарах. Вы помните стены ущелья? Они все трещиноватые. И в Колене есть трещина, точнее, даже каверна, которая уходит прямым продолжением выхода из ущелья. Когда аэрокар поворачивает, поток воздуха от винта ударяет в эту каверну, и в ней создается эффект органной трубы. Причем «поет» она инфразвуком с частотой двенадцать герц и звуковым давлением сто пятнадцать децибел. А такое сочетание оказывает на мозг воздействие, адекватное чистому спирту в неограниченной дозе...

Когда на следующее утро вход в каверну забетонировали, Декстер облегченно вздохнул. Теперь инцидент действительно был исчерпан.

В этом блаженном убеждении коммодор пребывал целую неделю, до того самого момента, когда к нему в кабинет вошел Мэдвиг в сопровождении вездесущего Картрайта. На лицах у обоих было такое выражение, что сердце Декстера сжалось в предчувствии... И предчувствие не обмануло его.

— Взгляните-ка в семнадцатый бокс, коммодор, — попросил Мэдвиг, пока Картрайт делал переключения на панели экрана внутренней связи.

Декстер уставился на появившееся изображение.

Внутри бокса было человек десять — механики, наладчики из ремонтной мастерской и даже кое-кто из лабораторного персонала. Они сидели в самых разнообразных позах вокруг чего-то, явно переделанного из барражной сирены, — такие через каждые двести ярдов были расставлены вдоль дороги, своим пронзительным воем отпугивая псевдусов. На лицах у всех застыло идиотски-блаженное выражение.

— Инфразвуковой излучатель, — коротко пояснил Мэдвиг. — Приспособились, дьяволы...

О том, что эту штуку почему-то окрестили «коктейлем Декстера», Мэдвиг тактично умолчал.